

СООБЩЕНИЯ

УДК 94(481).082«1931/1933»+94(47).084.6

НЕУДАЧНАЯ ПОПЫТКА УЧРЕЖДЕНИЯ СОВЕТСКОГО ТОРГОВОГО АГЕНТСТВА В СЕВЕРНОЙ НОРВЕГИИ В НАЧАЛЕ 1930-Х ГОДОВ

А. И. Рупасов

РАН, Санкт-Петербургский институт истории,
Санкт-Петербург, Россия

В статье анализируются планы создания в Северной Норвегии агентства торгового представительства СССР. Эти планы были обусловлены стремлением советской стороны найти выход из сложившейся кризисной политической ситуации в отношениях с Норвегией. Отрицательное отношение политического и государственного руководства СССР к этим планам было обусловлено комплексом причин, в том числе: ограниченным экспортным потенциалом, невозможностью обеспечить собственную логистику поставок товаров в Норвегию, дефицит валюты. В силу этих факторов, планы по развитию торговли с Северной Норвегией через Мурманск оказались мертворожденными.

Ключевые слова: *Торгпредство СССР, Норвегия, Народный комиссариат внешней торговли, народный комиссариат по иностранным делам, начало 1930-х гг.*

В начале весны 1932 г. член коллегии НКВД Б. С. Стомоняков в письме полпреду СССР в Норвегии Александру Арутюновичу Бекзаяну (работавшему в 1922–1926 г. в советском торгпредстве в Берлине, а затем в 1926–1930 гг. на должности наркома торговли ЗСФСР и потому осведомленному в делах внешней торговли) констатировал: «Наши экономические и, тем самым, политические отношения с Норвегией переживают кризис... Это обстоятельство и переживаемая нами международная ситуация требуют от нас приложить все возможные усилия, чтобы вывести советско-норвежские отношения из этого кризисного состояния»¹. Стомоняков имел в виду проблему, возникшую со статусом советского торгпредства в Осло после выступлений в стортинге министра обороны В. Квислинга, обвинявшего во вмешательстве во внутренние дела Норвегии полпредство и торгпредство. 28 января 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) потребовало от Наркомата внешней торговли «добиться от Нор[вежского] пра[вительства] письменного заявления, что оно будет

¹ Советско-норвежские отношения. 1917–1955: сб. док. М., 1997. С. 193.
Sovetsko-norvezhskie otnosheniya. 1917–1955, sb. dok., M., 1997, S. 193.

благожелательно относиться к развитию нашего экспорта и примет меры устранению возможных затруднений на этом пути», но ведомство Анастаса Микояна не преуспело в достижении этого результата². Во многом эмоциональные выступления В. Квислинга в стортинге (в частности, 7 апреля 1932 г.) были обусловлены обвинениями его со стороны Рабочей партии Норвегии в инсценировке на него покушения в здании Министерства обороны в феврале 1932 г. События лета 1931 г., во время которых правительство для подавления выступления рабочих в Менстеде задействовало военную силу, были охарактеризованы Квислингом как «запланированное восстание, которое должно было распространиться на всю страну». Выступление Квислинга вызвало негативную реакцию практически у всех представленных в стортинге политических партий. Ставшие достоянием гласности свидетельства того, что в свое время Квислинг готов был заняться организацией красной гвардии для Рабочей партии и даже взять на себя роль шпиона коммунистов в Генеральном штабе, не могли не провоцировать его на ужесточение своей риторики в стенах стортинга. Вместе с тем, парламентский комитет, занимавшийся рассмотрением заявлений Квислинга, констатировав, что рабочая партия и коммунисты получали средства из СССР, и признав, что использованная во время событий в Менстеде некоторыми участниками демонстраций тактика являлась тактикой Коминтерна, не считал возможным увязывать эти события с Коминтерном. На протяжении весны-осени 1932 г. Квислинг продолжал в своих публичных выступлениях высказываться на эту тему³.

Помимо этой проблемы Б. С. Стомоняков поднял также и вопрос о так называемой Олесундской концессии 1923 г., предоставлявшей норвежцам право боя тюленей в горле Белого моря. Норвегия отказывалась признавать установленную советской стороной 12-мильную зону территориальных вод и считала Белое море открытым морем, кроме того, в Осло были недовольны тем, что получили отказ на право осуществления рыбного и зверобойного промысла в районе Земли Франца-Иосифа (Политическое руководство СССР было крайне озабочено признанием суверенитета СССР над Землей Франца-Иосифа. В августе 1930 г. этот вопрос обсуждался на заседании Политбюро ЦК ВКП(б)). Дополнительную напряжённость в двусторонних отношениях привнесло задержание советскими кораблями береговой охраны 10 норвежских зверобойных судов в восточном районе Баренцева моря, повлекшее решение норвежского правительства направить военный корабль, охарактеризованное Стомоняковым как «крайне наглой выходкой»⁴.

² Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 166.

Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI), F. 17, Op. 162, D. 11, L. 166.

³ *Oddvar K. Hoidal. Quisling. A Study in Treason.* Oslo: Norwegian University Press, 1989. P. 92–100.

⁴ Советско-норвежские отношения. С. 197.

Вместе с тем, обе стороны были заинтересованы в развитии торговых связей. Ненадолго, но в 1931–1932 гг. Советский Союз стал третьим по важности внешнеторговым партнером Норвегии, уступая только Великобритании и Германии. В 1932 г. СССР приобрёл 60 % всего произведённого в Норвегии алюминия. Правда, уже в 1933 г. значимость СССР как торгового партнера серьёзно уменьшилась для Норвегии⁵. В Осло были особо заинтересованы только в реализации сельди на советском рынке.

Несмотря на то, что разрешения сложившегося комплекса проблем не предвиделось, тем не менее, когда в середине сентября 1932 г. у норвежского посланника А. Урби состоялись беседы в НКИД с наркомом М. М. Литвиновым и Б. С. Стомоняковым, то заданный советскими собеседниками тон явно свидетельствовал о желании преодолеть возникшую напряжённость. Слова Стомонякова, как они были поняты Урби, недвусмысленно намекали на желание уже предстоящей зимой попытаться заключить торговое соглашение с Норвегией. Член коллегии НКИД сообщил также посланнику о назначении нового торгпреда в Осло. «Я склонен верить, – сообщал в МИД Норвегии Урби, – что, если не произойдёт ничего нового, отношения между Норвегией и Советским Союзом могут, как и раньше, оставаться хорошими без каких-либо крупных ссор и раздоров»⁶.

Сама формулировка ставившейся Б. С. Стомоняковым перед полпредством задачи о необходимости приложить максимальные усилия для выведения двусторонних отношений из кризисного состояния основывалась на оценке внутривосточной ситуации в Норвегии. Готовность советской стороны к налаживанию отношений с Норвегией, проявившаяся осенью 1932 г., была обусловлена не в последнюю очередь тем, что поступающая в Москву информация подталкивала к выводу о недолговечности кабинета Йенса Хундсейда и, следовательно, к неизбежной отставке вызывавшего крайнее раздражение В. Квислинга. С другой стороны, решение задачи наталкивалось на скудость имевшихся для этого возможностей. В основном решение считалось лежащим в области торгово-хозяйственных связей. Именно по этой причине Стомоняков торопил Наркомат внешней торговли с отъездом в Осло назначенного ещё в сентябре торгпредом Густава Каспаровича Клингера, но который смог выехать в норвежскую столицу только в конце января 1933 г. Именно развитие торговых отношений с Норвегией в самом конце 1932 г. оказалось в центре внимания советской дипломатии.

Правда, ранее эта тема уже попадала в повестку дня: ещё в марте 1931 г. Центральная контрольная комиссия ВКП(б) и Наркомат рабоче-

Sovetsko-norvezhskie otnosheniya, S. 197.

⁵ См.: *Bilag 1. Norges handelsomsetning med de forskjellige land // Norges offisielle statistikk. IX. 5. Norges handel. 1931. Oslo, 1933. S. 10–11; Bilag 1. Norges handelsomsetning med de forskjellige land // Handel Norges offisielle statistikk. IX. 12. Norges handel. 1932. Oslo, 1933. S. 7–8; Ole Martin Rønning. Norsk-russiske forbindelser i mellomkrigstiden Noen trekk ved den norske virksomheten i Russland // Arbeiderhistorie. 2002. S. 38–39.*

⁶ Советско-норвежские отношения. С. 203.
Sovetsko-norvezhskie otnosheniya, S. 203.

крестьянской инспекции даже вынесли постановление об организации в Мурманске большого склада и организации так называемой «северной товарной линии» для снабжения товарами скандинавских и других европейских государств. Однако, началу осени 1931 г. выяснилось, что даже сокращённый в марте экспортный план в торговле с Норвегией фактически невыполним, наверстать за оставшиеся 4 месяца недостающие 75 % плана было невозможно. С одной стороны, собственный экспортный потенциал советской стороной был явно переоценен, но с другой, в экспортном секторе группы торгпредств Наркомата внешней торговли считали, что «одним из главных препятствий к регулярным поставкам в Норвегию товара является отсутствие непосредственных рейсов и необходимость переброски товаров через один из заграничных портов, как то: Рига, Копенгаген, Гамбург» и, кроме того, «совершенно не использованы возможности оживления нашей торговли с Норвегией через Мурманск»⁷. В силу этого предлагалось предоставить возможность норвежским пароходам еженедельно заходить из Вардё («отстоящего от Мурманска всего в 8 часах пароходного пути и непосредственно связанного со вторым по величине городом – Бергенном») в Мурманск, обеспечив их «соответствующими грузами». Наркому внешней торговли предлагалось учесть и то, что в зимний период можно будет использовать этот путь «для быстрой перекидки наших товаров через Берген в Лондон», а развитие рыболовного промысла в Мурманске (промышленные масштабы которого, в действительности, в описываемое время относились к сфере желаемого) позволит снабжать англичан свежей рыбой⁸.

Вопрос о желательности развития торговых связей был поставлен, но одновременно в НКВД были заинтересованы в том, чтобы каким-либо образом сгладить неприятный эффект от того факта, что в предстоящем году советская сторона намеревалась резко сократить закупки алюминия и селедочки (основные статьи экспорта Норвегии в СССР), чем приезжающий в Осло Густав Клиндер и должен был «обрадовать» министра иностранных дел Биргера Брудланда. В свою очередь, торгпредство в Осло, озабоченное резко выраженным отрицательным сальдо в торговле с Норвегией, выступило с инициативой, вызвавшей в Наркомате внешней торговли нескрываемый скепсис, а в НКВД – нескрываемое желание уклониться от поддержки этой инициативы.

Речь идёт о поступившем из торгпредства в Норвегии предложении об организации агентства торгпредства в Северной Норвегии. Помимо этого в НКВД поступила докладная записка, подготовленная сотрудником берлинской инспекции Наркомата РКИ СССР-ЦКК ВКП(Б) Г. Эттером. (Вопросы торговли СССР с Норвегией находились в компетенции т.н. Берлинского центра, который возглавлял, как правило, представитель

⁷ Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 413. Оп. 13. Д. 4. Л. 103–103 об.

Russian State Archive of Economics (RGAE), F. 413, Op. 12, D. 4, L. 103–103 ob.

⁸ Там же. Л. 104.

Ibid, L. 104.

Наркомата внешней торговли в ранге заместителя наркома). Отметив, что до введения в России монополии внешней торговли северные районы Норвегии (Финмаркен, Тромсе, Нурланд) экономически были тесно связаны с Северной Россией, но осуществлявшиеся торговые связи носили «частично характер прямого товарообмена и пользовалась поощрительными мероприятиями законодательного характера со стороны обоих правительств», автор докладной записки констатировал: «С введением монополии внешней торговли эта экономическая связь фактически была нарушена, хотя ст. 29 торгового трактата от 1925 г. «в целях облегчения торговых сношений между северными провинциями» СССР и Норвегии и предусматривает формы восстановления этой связи»⁹.

Фактически в рассматриваемый период советские товары на Север Норвегии не поступали вообще. Эттер обращал внимание на то обстоятельство, что в Северной Норвегии душевое потребление зернопродуктов («проходящих через государственную хлебную монополию») достигало 6 % общего потребления. По его мнению, это могло служить предпосылкой для того, чтобы в случае действительной организации товароснабжения Северной Норвегии из Мурманска Государственная хлебная монополия Норвегии¹⁰ может пойти на закупки советской муки, учитывая дешевизну фрахта и отсутствие на севере мукомольных мельниц. Кроме того, напомнил Эттер, в компетенцию Государственной хлебной монополии не входят операции с такими хлебопродуктами как кукуруза, бобы, крупы, макароны и т. п. Потребность Северной Норвегии в хлебопродуктах он оценивал в 1,1 млн крон. Другой более-менее серьёзной товарной статьёй могли стать лесоматериалы и реализация соли. Что касается последней, то Эттер считал, что её экспорт через Архангельск и Мурманск может достигнуть 2 млн крон. Объём годовой реализации лесоматериалов мог составить 1500–2000 стандартов (до 300 тыс. крон). Интерес для советской стороны представляла также горнорудная промышленность Норвегии, на севере которой в 1930 г. добывалась железная, медная, цинковая руда. В целом организация торговли в этом регионе могла принести около 6 млн крон. Столь заманчивые перспективы требовали, по его мнению, присутствия уполномоченного торгпредства в Тромсе с агентствами в Буде и Варде¹¹.

Автор записки по каким-то причинам отказывался учитывать имевшиеся логистические сложности с поставками в Мурманск из внутренних областей СССР. Однако, у него явно отсутствовало чёткое представление об ограниченных экспортных возможностях СССР. В противном случае, он не стал бы особо подчёркивать то обстоятельство, что развитие торговых операций в

⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 374. Оп. 28. Д. 4092. Л. 241.

State Archive of the Russian Federation (GARF), F. 374, Op. 28, D. 4092, L. 241.

¹⁰ См.: Statens Kornforretning 1929–1954. Tilbakeblikk over arbeidet med kornforsyningen i Norge. Oslo, 1954.

¹¹ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 4092. Л. 242–246.

GARF, F. 374, Op. 28, D. 4092, L. 242–246.

Северной Норвегии пойдет не за счёт существующих операций торгпредства в Осло, а представит собой удовлетворение спроса нового рынка.

Помимо затронутых Г. Эттером аспектов торговли с Северной Норвегией в советских ведомствах обсуждался и вопрос об организации бункерной станции на Мурманском побережье для снабжения топливом норвежского рыболовного флота. Идея со снабжением топливом изначально была мертворождённой. И это удивительно, так как Эттер не мог не знать о настроениях, царивших в руководстве «Союзнефтеэкспорта», крайне озабоченного тем, что дефицит нефтяных продуктов порождал «постоянные столкновения» с интересами внутреннего рынка, что приводило к срыву экспортных планов¹².

Изучение в Москве поступивших проектов имело схожие результаты. Записка Г. Эттера ещё не поступила в Москву, а инспектор РКИ СССР В. З. Карпов 2 января 1933 г. направил заместителю наркома РКИ СССР, члену Президиума ЦКК ВКП(б) З. М. Беленькому и руководителю Группы внешней торговли наркомата Гришину «Выводы по обследованию деятельности норвежского торгпредства». Констатируя, что хотя в торговле с Норвегией имеется активный торговый баланс в пользу последней, он сообщал, что «рынок Норвегии не охвачен в достаточной мере как в части увеличения удельного веса СССР по ввозимым товарам, так и по внедрению на рынок новых статей экспорта»¹³. Экспорт в Норвегию составлял: 1929 г. – 7,1 млн крон, 1930 г. – 212 млн крон, 1931 г. – 20, 7 млн крон, январь-июнь 1932 г. – 10, 53 млн крон. Экспорт Норвегии в СССР: 1929 г. – 19,9 млн крон, 1930 г. – 29, 8 млн крон, 1931 г. – 34,3 млн крон, январь-июнь 1932 г. – 21,7 млн крон. Помимо этого, он обращал внимание руководства на крайне неудовлетворительную работу по реализации пиломатериалов – советской стороне приходилось уплачивать большие суммы штрафов за отсутствие клейм, нарушение сроков поставок, плохое состояние товара. За предшествующий год был сорван план по реализации «хлебных культур» (выполнен на 62 %).

Реакция в Москве на поступившее от Эттера предложение позитивной не была. Руководитель инспекции Наркомата РКИ СССР уже в январе 1933 г. направил руководству информацию о совещании в Группе внешней торговли ЦКК ВКП(б)-НКРКИ СССР по вопросу об организации торговли в Северной Норвегии, в котором приняли участие представители НКРКИ, НКВТ, НКИД, Союзнефтеэкспорта, Академии внешней торговли и бывший торгпред в Норвегии И. И. Элердов. Преобладание среди участников совещания представителей внешнеторговых структур сказалось на результатах обсуждения. Организация в 1933 г. агентства торгпредства в Северной Норвегии была признана нецелесообразной¹⁴. Представителям НКИД не

¹² РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 17. Л. 1.

RFAE, F. 413, Op. 13, D. 17, L. 1.

¹³ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 4092. Л. 256–259.

GARF, F. 374, Op. 28, D. 4092, L. 256–259.

¹⁴ Там же. Л. 238–240.

раз до этого приходилось уступать прагматически настроенному руководству внешнеторговых организаций в вопросах развития торговли с малыми европейскими государствами, желательность использования этого инструмента в сугубо политических целях крайне редко находила поддержку с их стороны. 1 февраля в Берлинскую инспекцию был направлен ответ заместителя руководителя Группы внешней торговли НК РКИ СССР Самарина: «Выяснилось, у нас не будет возможности выделить специальные экспортные фонды для Северной Норвегии... мы пришли к заключению, что сейчас несвоевременно ставить вопрос об организации в Северной Норвегии агентства норвежского торгпредства»¹⁵.

А 9 марта 1933 г. член коллегии НКВТ Ф. Я. Рабинович направил в ЦКК ВКП(б), НК РКИ СССР, руководителю Группы внешней торговли М. Б. Гришину, а также заместителю торгпреда в Германии А. С. Файнштейну ответ по вопросу о целесообразности организации бункерной станции на Мурманском побережье. Эта тема обсуждалась вместе с руководством Союзнефтеэкспорта. Коммерчески организация торговли через Мурманск керосином была признана нецелесообразной. Союзнефтеэкспорт представил информацию о том, что на крайнем Севере Норвегии он ведёт работу по сбыту керосина в районе Страмзунда и Тромсе через фирму Йогансона, которая забирает товар в своих бочках из Гамбурга, так как у самого Союзнефтеэкспорта «нет ни постоянной клиентуры, ни специальной установки для мелкооптовой торговли, ни мелкой бочковой тары», а кроме того, «создалась напряжённая обстановка в отношении экспортных контингентов»¹⁶. Короче говоря, планы по развитию торговли с Северной Норвегией через Мурманск оказались мертворожденными.

Список литературы:

1. *Пересадило Р. В., Репневский А. В.* Кадры и организация торгово-дипломатической работы России в Норвегии: сравнительная характеристика (XIX в. – 30-е гг. XX в.) // *Северная Европа: Проблемы истории.* 2003. Вып. 4. С. 191–210.
2. *Репневский А. В.* СССР – Норвегия: экономические отношения межвоенного двадцатилетия. – Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 1998. – 348 с.
3. *Hoidal, Oddvar K. Quisling. A Study in Treason.* Oslo: Norwegian University Press, 1989.
4. *Rønning, Ole Martin.* Norsk-russiske forbindelser i mellomkrigstiden Noen trekk ved den norske virksomheten i Russland // *Arbeiderhistorie.* 2002. S. 33–51.

Ibid, L. 238–240.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 4092. Л. 237.
GARF, F. 374, Op. 28, D. 4092., L. 237.

¹⁶ Там же. 234–235 об.

Ibid, L. 234–235 об.

5. *Sven G. Holtsmark. A Soviet Grab for the High North? USSR, Svalbard, and Northern Norway 1920-1953 / Forsvarsstudier. 1993. 7. P. 25–34.*

**UNSUCCESSFUL ATTEMPT OF ESTABLISHMENT
OF THE SOVIET TRADE AGENCY IN NORTHERN NORWAY
IN THE EARLY 1930s.**

A. I. Rupasov

RAS, St. Petersburg Institute of history, *Saint Petersburg, Russia*

In the early 1930s, Moscow considered plans to establish a Trade Agency of the USSR in Northern Norway. These plans were due to the desire of the USSR to find a way out of the current political crisis in relations with Norway. The negative attitude of the political and state leadership of the USSR to these plans was due to a number of reasons, including: limited export potential, the inability to provide its own logistics of supplies of goods to Norway, the lack of currency. Due to these factors, plans to develop trade with Northern Norway through Murmansk were stillborn.

Keywords: *Soviet trade agency, Norway, USSR, People's Commissariat of Foreign Trade, People's Commissariat on Foreign Affairs, People's Commissariat of Workers' and Peasants' Inspection.*

Об авторе:

РУПАСОВ Александр Иванович – докт. ист. наук, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории, Российская академия наук, (197110, Россия, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7); corresponding member of the Finnish historical society; e-mail: rupasov_ai@mail.ru

About the authors:

RUPASOV Aleksandr Ivanovich – Dr. of Sciences (History), St. Petersburg Institute of History, Russian academy of Sciences (197110, St. Petersburg, Petrozavodskaya st., 7), e-mail: rupasov_ai@mail.ru

References

- Peresadilo R.V., Repnevskij A.V., *Kadry` i organizaciya torgovo-diplomaticheskoj raboty` Rossii v Norvegii: sravnitel`naya karakteristika (XIX v. – 30-e gg. XX v.)*, Severnaya Evropa: Problemy` istorii, 2003, Vyp. 4, S. 191–210.
- Repnevskij A. V., *SSSR – Norvegiya: e`konomicheskie otnosheniya mezhoennogo dvadczatiletija*, Arxangel`sk, Izd-vo Pomorskogo gos. un-ta im. M. V. Lomonosova, 1998. – 348 s.

Статья поступила в редакцию 10.04.2019 г.